
СТАТЬИ

УДК 94(47).05

В.В. Заплетин ***«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО» В. ЗОРИНА:
ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МИФА О СТРЕЛЬЦАХ**

В статье исследуется и идентифицируется документ восставших в 1698 г. московских стрельцов – «черная челобитная Петру I» В. Зорина в контексте проблемы создания мифа о стрельцах.

Ключевые слова: восстание стрельцов 1698 г., «черная челобитная Петру I», формуляр, «открытое письмо», идеологический миф, слухи

В статье автор ставит цель – выявить причинно-следственные связи событий, обусловивших появление одного из наиболее важных документов восставших в стрелецком бунте 1698 г. – «черной челобитной Петру I». Документ был изъят 18 июня накануне сражения под Воскресенским монастырем у десятника полка Ф.А. Колзакова Василия Зорина вместе с одним из списков письма четырех полков с жалобами на тяжесть службы без адресата.

После поражения восстания начался жестокий розыск. В документах розыска 1698-1700 гг. [1, с.363-414; 2] отразились приметы сложного процесса социальной дифференциации, неоднозначность настроений и различие идейных установок и политических целей стрельцов.

Наиболее активными «завотчиками» бунта явились рядовые и десятники стрелецких полков. В их намерения входило, как следует из Докладной записки (датирована после 1 июля 1698 г.), по приходу к Москве бить бояр «до смерти», поднимать стрельцов в Белгороде, Азове, Серпухове, Туле и иных городах, чтобы те шли к Москве на помощь (признания Васки Тумы, Бориски Проскурякова, Ларки Шелудяка и еще нескольких десятков человек) [2, с.58].

На допросе 19 сентября 1698 г. десятник полка Т.Х. Гундертмарка С. Иванов покажет, что его поневолили «первые беглецы» идти общим ходом на Москву, и сделает при этом важный проговор: «И пятисотной Оксенко Фе-

---

* © Заплетин В.В., 2016

Заплетин Владимир Владимирович, магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, v.zapletin@yandex.ru.

октистов говорил им, беглецам, чтоб итти на указные места, а к Москве не ходить. И они де, беглецы, скололи было ево копья и говорили: "Али де захотел ты во дьяки, что к Москве идти не хочешь?"» [2, с.120]. С. Иванов подтвердит, что «челобитную де, какова подана в Воскресенском монастыре, писал Чюбарова полку стрелец Артюшка Маслов, а о чем писана и с кем думали, того не ведает» [2, с.120]. На допросе стрельца полка Ф.А. Колзакова И. Корнилова выясняется характерная деталь поведения другого пятисотного: «А под Воскресенским де в обозе велел молебен петь пресвятей богородице пятисотной Ивашко Клюкин о избавлении междоусобные брани, видя страх над собою многолюдство московских полков» [2, с.121].

Итак, в начавшемся восстании настроения и намерения стрельцов были различны, далеко не многие вольные и подневольные участники бунта знали содержание составленных документов, а часть стрельцов, особенно среди начальных людей (пятисотные О. Феокистов, И. Клюкин и др.), вообще не имела намерения бунтовать. Начальных людей отличало выгодное служебное положение, относительный достаток, перспектива выдвигаться в полковники, стольники, дьяки и пр. Так, именно о корысти служебной и попеняли рядовые стрельцы пятисотному О. Феокистову [2, с.120]. Весьма заметная социальная дифференциация стрелецкого войска в немалой степени определяла характер поведения и установки как отдельных стрельцов, так и их различных групп.

Попытаемся найти ответ на вопрос: почему восставшими были составлены, по меньшей мере, два различных документа?

Из расспросных и пыточных речей допрашиваемых, а также по признанию самого пятисотного полка А.А. Чубарова А. Маслова установлено, что письмо четырех полков без адресата было писано именно им, «с совету всех четырех полков стрельцов», а «к Москве де пошел он неволею..» [2, с.85]. В Докладной записке приводятся слова А. Маслова: «то де письмо писано, и складывали, и смотрили с опщаго совета всех полков пятисотных», одновременно приводятся подтверждения Ивашки Клюкина: «то де письмо у них у всех пятисотных, и у пятидесятников, и у десятников с общего совету» [2, с.65]. В вопросе об адресате письма обнаруживается версия передачи письма боярину Шеину. На допросе сотенный полка И.И. Черного М. Бурнашов от 20 сентября 1698 г. укажет: «А то де письмо писал.. стрелец Артюшка Маслов.. И они де, выслушав письма, всеми четырьмя полки сказали, чтоб то письмо к нему, боярину Алексею Семеновичу, послать..» [2, с.89].

В письме стрельцов четырех полков стольников и полковников А.А. Чубарова, Ф.А. Колзакова, И.И. Черного, Т.Х. Гундертмарка подробно излагаются трудности службы под Азовом, делаются ссылки на твердое следование стрельцов воле государя, приказам бояр и воевод, крайне плохое продовольственное и материальное обеспечение, вынужденные «скитания в мир» и кормление «именем Христовым», жестокие наказания стрельцов начальными людьми. Тяжестью своего положения стрельцы объясняют нарушение ими приказа идти на Белую, Вязьму, в Ржеву Володимерову и До-

рогобуж из Торопца. Приводят стрельцы в качестве важного аргумента своего слушания и якобы имевший место приказ М.Г. Ромодановского разружить стрелецкие полки, самих же стрельцов порубить. Страшась, стрельцы решили идти к Москве «не для московского разоренья или какова смертнаго убивства, и междуусобия, и бунту, чтоб нам напрасно смертию не помереть... А как позовет какой воинской случай неприятельских людей, а в.г. указ состоитца, чтоб нам быть на его в.г. службе, где в.г. укажет, и мы со усердием служить и работать ради» [2, с.42]. Отметим, в письме нет обвинений в адрес конкретных лиц, кроме М.Г. Ромодановского. Стрельцы винятся в нарушении приказа, ни о чем прямо не просят, кроме как побывать на Москве, и подтверждают свою готовность впредь следовать указам государя и верно ему служить. В письме отсутствует челобитье, и оно совершенно определенно не является призывом к бунту. Вероятно, письмо явилось элементом тактики восставших, не желавших ранее срока заявлять о своих намерениях и планах. Оно предназначалось стрельцам, идущим к Москве, в целях не допустить «шатание» в полках и становилось логичным объяснением своеволия стрельцов для слуг государевых, скорых встреч с которыми следовало ожидать.

Соотнесем письмо четырех полков с более ранним документом – «черной челобитной Петру I» десятника В. Зорина, датированным в документах розыска около 12 июня. Попытаемся выяснить: как появилась «черная челобитная»; в чем ее отличие и чем она является по форме.

Предположим, что специфичность положения в стрелецком войске десятника В. Зорина и пятисотного А. Маслова, особенности судебных, намерений и целей в восстании предопределили своеобразие составленных ими документов. На допросе 18 июня В. Зорин показал, что «черную челобитную писали они не докончав за проходом своим...» [2, с.45] для того, чтобы прочесть «в народе в большом полку для того, чтоб было умирения, а кровопролития б не было» [2, с.45]. О том, что автором «черной челобитной» был В. Зорин, свидетельствовал сотенный полка Ф.А. Колзакова Л.Г. Рыбников [2, с.46]. Пятидесятник полка А.А. Чубарова Я. Алексеев также подтвердил, что В. Зорин показывал ему «черную челобитную» и он, Якушка, усмотрел в ней призыв к бунту и разорению и, не дочитав ее, отдал Ваське, сказав, что «писана не делом» [2, с.47]. На допросе от 24 июня В. Зорин признает, что «челобитную велели ему писать Калзакову полку, не определяя какую, толко велели объявить ему службы и нужды, а окончать виною. А он де сверх того в той челобитной прибавочные слова прибавил собою, а не всем полком» [2, с.49]. Таким образом, «черную челобитную» В. Зорина стрельцы воспринимали не иначе, как призыв к бунту. По свидетельству Зорина, о содержании «челобитной» знали десятник В. Игнатьев, пятидесятник А. Сидоров, пятидесятник Я. Алексеев, А. Маслов, И. Клюкин. «А Артюшка Маслов, Ивашко Клюкин говорили, чтоб тое челобитную отставить, а пришед к Москве, тое челобитную подать бы в.г. или великому государю царевичу и государыням девицам» [2, с.49]. Напомним, в «черной челобитной Петру I» В. Зорин, помимо перечисления трудностей службы

и тягот походных, указывает, что ведают стрельцы, будто идут к Москве немцы и будет вместе с брадобритием и табаком «всесовершенное благочестию испровержение», обвиняет Франца Лефорта в том, что учиняет благочестию испровержение и стремится уничтожить чин стрелецкий, а также объявляет о готовности стрельцов, как и ранее, «во сто девяностом году», о благочестии непременно служить [2, с.39-40]. Особое назначение «черной челобитной» В. Зорин признает сам: «...тое де челобитную писал он, Васка, ... ни с кем не согласясь для того, с щем бы им было на Москве появитца. И когда бы полки сошлись к Москве, и тогда бы ту челобитную объявить в народе, и просить Франца Лефорта ко убиению за непотребные ево дела, которые в челобитной ево написаны.. А бояр чтоб побить, того у него и в мыслях не было, разве б то учинилось, когда те стрелецкие полки пришли к Москве» [2, с.52]. В сентябре на очной ставке стрельца В. Игнатъева и В. Зорина будет установлено, что по дороге между Торопцом и Ржевою В. Зорин, В. Игнатъев, А. Сидоров, И. Волосатой «вышеписанную челобитную чли и говорили, чтоб им всеми четырьмя полки притить к Москве и стать на Девичье поле, бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она вступилась в правительство, и естли она, царевна, их не примет и в правительство не вступит, и им было итить к Москве в дома свои, и с той челобитной, написав розные челобитные, послать во все слободы для возмущения к бунту» [2, с.71]. В планы восставших входило возмутить чернь, разорить Немецкую слободу, побить бояр, виновных в разных «бедах» стрельцов, и «жить было им в Москве. А в правительстве естли бы де царевна не вступила, обрать государя царевича потому, что будто великого государя не стало» [2, с.72]. Стрелец А. Сидоров [2, с.73] признает, что об этих планах ведали стрельцы всех четырех полков. Следовательно, «черной челобитной» предназначалась роль документа, призывающего к бунту.

Отметим существенный факт: составитель «черной челобитной» десятник В. Зорин в недавнем прошлом был пятисотным. Об этом свидетельствует И. Ключкин на допросе, указывая, будто не ведал про «бунтовую челобитную составу Васки Зорина.. потому что с Ваской Зориным в побрание, зато велено ему, Ивашку, быть в пятисотных на ево, Васкино место. И он де, Васка, на него рнился» [2, с.86]. Из документов розыска следует, что более других горячились в спорах и вынашивали мысль о смене правительства [2, с.71] «завотчики» «Васка Тума и Бориска Проскураков с товарищи», десятник В. Зорин, пятидесятники В. Игнатъев и А. Сидоров, рядовой стрелец Б. Федоров и др. При этом людей начальных отличала весьма осмрительная позиция: пятисотные А. Маслов, И. Ключкин, О. Феоктистов [2, с.88] и др. ведали о планах прийти к Москве и звать Софью в правительство, вероятно, втайне того желали, но осторожничали. Напомним, письмо четырех полков, составленное А. Масловым с общего совета и согласия сотенных и пятисотенных, имело иной, повинный характер. У Зорина же был личный интерес пойти на риск: при удачном стечении обстоятельств он мог, по опыту прошлых «бунташных» лет, вернуть утраченное. Поэтому и возникли у десятника особые претензии к Францу Лефорту: во время Азов-

ской кампании за приступ под Азовом посулено было Лефортом «по десяти рублей человеку рядовому, а кто послужит, тому повышение чином чести... тех денег и чинов не дано ево ж Францевым промыслом». В. Зорин признает: «И те де все статьи, которые в той челобитной на него, генерала Франца, писал, затевая ж собою, для возмущению к бунту» [2, с.70]. Успех восстания мог означать для Зорина взлет по лестнице служебной карьеры подобно тому, как в 1682 г. Софья за верность и поддержку в смуте «первого выборного Стременного приказу пятисотного Никифора Силина велела пометить в дьяки, да боярина пятисотного велела пометить в дьяки же...» [5, с.146]. Привлекательным было и «хождение во власть» из стрелецких голов стольника А.С. Матвеева, К.П. Нарышкина, боярина кн. И.А. Хованского, сына стрелецкого сотника Григория Отрепьева [7, с.28-32]. Стрелецкая служба рассматривалась многими как возможность подняться в социальной иерархии, обрести богатство и почести. Полагаем, именно по этой причине десятник В. Зорин примерял на себя роль идеолога бунта, затевая свою «черную челобитную». Уясним, чем же на самом деле являлся этот документ.

Предприняв ранее сравнительный анализ [4], полагаем, что по формуляру документ синкретичен: в «начальном протоколе» имеется косвенное намерение челобитья, оборот «челом бьем» заменен на «многоскорбне и великими слезами»; в «основной части» – наррации нет прошения (челобитья, просьбы); в «конечном протоколе» – аппрекации отсутствует характерный речевой оборот челобитных «смилуйтесь», «пожалуйте». Завершение же документа – «Аминь» [2, с.39] наводит на мысль о том, что перед нами исторический документ, формально обращенный к государю, но в большей степени к народу христианскому. В тексте имеется идеологический подтекст: борьбы за веру христианскую в противовес «благочестию испровержения». В «бунтовой челобитной» присутствуют характерные признаки формуляра письма: в «начальном протоколе» – инскрипция и интитуляция; в «основной части» приводится подробное изложение обстоятельств дела; отсутствует datum (место и время), в качестве заключения – благопожелания использовано «Аминь», при этом нет удостоверительной части (субскрипции и сигнатуры). Полагаем, есть основания отнести «черную челобитную» к разряду «открытых писем». Здесь мы исходим из трактовки «открытого письма» Я.С. Лурье в анализе переписки Ивана Грозного с Курбским [6, с.224]. В «основной части» «черновой челобитной Петру I» Зорина присутствуют преамбула, публичное объявление-промульгация «о благочестии непременно служим». Логический анализ текста позволяет прийти к выводу о том, что документ адресован широкому кругу лиц «через голову» формально указанного адресата, который косвенно обличается, но без реального намерения и возможности воздействовать на адресата и (или) вести с ним беседу.

Итак, В. Зорин пишет «открытое письмо», которому предназначает роль манифеста восставших, в круге которых стрельцы должны выступить ведущей силой. Для придания идеологической привлекательности начавше-

муся бунту и обоснования особой роли стрельцов Зорин прибегает к фальсификациям и мифотворчеству. Так, обращаясь к событиям 1682 г., он намеренно искажает суть «общественного договора», пытается утвердить за стрельцами роль хранителей веры и благочестия, подменяя истинный смысл и причины прощения стрельцов царствующим домом в ноябре-декабре 1682 г. На допросе 18 июня В. Зорин ссылается на Царские жалованные грамоты [2, с.43]. Однако, обратившись к содержанию этих грамот, мы находим иное: даруется стрельцам прощение «великих и тяжких вин», пощада и «от смерти свобода», а также право «служити и прямити и всякого добра хотети, и нашего государского здаровья оберегать, и нашия государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию по своему обещанию, как они обещались пред святым христовым евангелием, без всякие измены и шатости...» [3, с.200]. Зорин умышленно долг стрельцов «государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию» подменяет самовольно присвоенным правом «благочестию непременно служить» [2, с.39]. «Служение благочестию» В. Зорин трактует как сохранение истинной в народном понимании христианской веры и необходимость чинить препятствия иноземным немецким обычаям [2, с.49]. Эта подмена нужна Зорину для обоснования особой роли стрелецкого воинства. Не менее характерным является и тот фрагмент «бунтовой челобитной», где В. Зорин указывает: «Служили мы, холопи твои, и прежде нас прародители, и деды, и отцы наши, вам, великим государем, во всякий обакновенной христианской вере и обещались до кончины жизни нашей благочестие храните, яко же содержит святая апостольская церковь» [2, с.39]. Создавая мифологему «стрельцы – хранители благочестия», В. Зорин подменяет истинный смысл царского наказа стрельцам: «... и быти им в нашем государском повелении и во всяком обыклом повиновении и послушании со всяким усердным покорением и чистым намерением...» [3, с.200].

Для смущения народа В. Зорин умело использует технологию слухов. Напомним, важным объяснением ослушания приказа стрельцами явилась ссылка на то, что М.Г. Ромодановский «велел рубить» [2, с.40] стрелецкие полки. На допросе от 18 июня В. Зорин покажет, что слух этот стал ему ведом «от своей братьи стрельцов Афанасьева полку Чубарова от сотенного от Артюшки Маслова и от иных...» [2, с.45]. В ходе розыска выяснится, что слух этот распространил стрелец Гордюшко Иванов, за что и был «казнен смертью» [2, с.65-66]. В «черной челобитной» использован слух о том, что в «Московском государстве чинитца великое страхование, и от того города затворяют... и всему московскому народу чинитца наглость» [2, с.40]. Этот слух принес дьячок села Клушина [2, с.158-159]. Третий слух: «что идут к Москве немцы и то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всесовершенное благочестию испровержение» [2, с.40], В. Зорин придумал сам [2, с.49-50], завершая пугающую картину народных бед, спасителем от коих должны были стать стрельцы, подняв и возглавив чернь в Москве и окрестных городах.

Подводя итог, отметим: анализ «черной челобитной Петру I» показывает усиление в стрелецкой среде в конце XVII в. процесса социальной диф-

ференциации с присущим ему своеобразием формирующихся частных и узкогрупповых интересов. Рядовые, десятники и пятидесятники несли на себе главные тяготы «цивилизационного пути России», их протесты зачастую имели неосознанный антифеодальный характер – «против угнетателей и угнетения». Вместе с тем среди стрельцов уже обозначилось стремление к политическому оформлению движения с использованием классических элементов политико-идеологического противостояния: «открытых писем»; фальсификаций; мифотворчества; использовалась технология слухов. Для начальных людей существенную угрозу представляли реформы Петра. Они занимали умеренные позиции, скрытно выступали с антипетровских позиций, но при удачном стечении обстоятельств готовы были поддержать дворцовые перевороты и правителей, признающих неизбежность «старых» порядков, а значит, и сохранение стрелецкого войска в составе Московского государства.

Библиографический список

1. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
2. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела). Сборник докум. / [сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова]. М., 1980.
3. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976.
4. Заплетин В.В. Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 году: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина // Платоновские чтения: материалы и доклады XXI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 4-5 декабря 2015 г.) /отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2015.
5. История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые К. Тихонравовым. Т. 5. М., 1863.
6. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/ [под. ред. Д.С. Лихачева]. М., 1993.
7. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.

Vladimir Zapletin

**“OPEN LETTER” BY VASSILIIY ZORIN:
THE PROBLEM OF CREATION OF THE MYTH ABOUT STRELTSY**

The article is devoted to attribution of the program document of the Moscow Streltsy uprising of 1698: «the black petition to Peter I» which was written by Vassiliy Zorin. The author analyzes the document in the context of the problem of creation of the historical myth around the Streltsy.

Keywords: Streltsy uprising of 1698, «black petition to Peter I», standart form, «open letter», ideological myth, rumors